

УДК 130.2
ББК 71.04

А.А. ПУЧКОВСКАЯ

КОНЦЕПТ «ГЕОКУЛЬТУРА» И ЕГО РАЗВИТИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

Рассматривается понятие «геокультура» в рамках отечественного гуманитарно-теоретического дискурса. Анализируются основополагающие аспекты геокультуры со ссылкой на родоначальника термина — американского культуролога И. Валлерстайна. Описываются апробации концепта российскими исследователями. Отмечается позитивная тенденция продуктивного использования понятия для описания контингентных, мир-системных процессов современности.

Ключевые слова: геокультура, мир-системный анализ, методология, культурология, отечественная гуманитаристика, кросс-культурные взаимодействия, междисциплинарность, мультикультурализм.

Кросскультурные взаимодействия, лежащие в основе глобализационных процессов, контингентность и многомерность социокультурных трансформаций акцентируют внимание на возросшей в последние десятилетия актуальности комплексных, междисциплинарных исследований, в рамках которых основополагающей становится выработка категориального инструментария, адекватного для интерпретации происходящих изменений. Одним из понятий, описывающих современное состояние мир-системы и претендующих на роль фундаментального, выступает «геокультура».

Термин «геокультура» был впервые введен в гуманитарно-научный дискурс основоположником мир-системного подхода американским социологом и культурологом И. Валлерстайном. Под этим понятием

КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

И. Валлерстайн понимает культурный способ устройства глобального пространства с обособлением обществ, входящих в богатое цивилизационное ядро существующей капиталистической мир-экономики (США и Евросоюз), обществ, занимающих срединное или переходное положение — полупериферий (к коим он относит современную Россию), а также обществ, оказывающихся на периферии современной мир-системы (большая часть экс-колоний). Следуя логике Валлерстайна, геокультуру в самом широком смысле можно трактовать как культурное давление центра мир-системы на ее периферийные части. В частности, программа «развития» («developmentalism»), столь популярная в 70-е годы XX столетия в латиноамериканских и африканских новоиспеченных суверенных государствах и сегодня более известная как программа «модернизации», является ярким примером аккультурации, происходящей в современной геокультуре. Таким образом, геокультура в интерпретации И. Валлерстайна и приверженцев мир-системного подхода может быть понята как сохраняющееся культурное влияние бывших метрополий на их экс-колонии.

Культурное основание всей господствующей капиталистической мир-экономики — геокультура начала формироваться после Великой французской революции. Точка отсчета выбрана не случайно: именно это событие, по мнению И. Валлерстайна, «знаменовало собой апофеоз ньютоновской науки XVII века и концепций прогресса XVIII века; <...> всего того, что мы стали называть современностью» [1, с. 76]. Подтверждение этой идее можно найти у историков Э. Лабруса, Дж. Уотсона и др. С конца XVIII века преобразования, нововведения и даже революции стали рассматриваться не как исключительные явления, а как «нормальное» функционирование сфер жизни общества. Фундаментальные принципы, установленные в 1789 году — естественность социокультурных изменений и суверенитет народа, — легли в основу выработки такой геокультуры, которая, во-первых, приняла форму дебатов между идеологиями, во-вторых, породила антисистемные движения и, в-третьих, сформировала теоретический аппарат посредством общественных наук [2].

Ключевым для понимания феномена современной геокультуры у Валлерстайна становится понятие «идеология». Точкой бифуркации, от которой ведется отсчет зарождения геокультуры, как упоминалось выше, стали события Французской революции. «Нормализация» социокультурных трансформаций, к которым после 1789 года стали относиться как к чему-то неизбежному и происходящему регулярно, составляет определяющий компонент культурной истории современной геокультуры: «в этом плане идеология представляет собой не столько само мировоззрение как таковое, сколько один из способов, с помощью которого наряду с антисистемными движениями и общественными науками утверждается новое мировоззрение, называемое современностью» [3, р. 7].

Главная идея Валлерстайна состоит в том, что, по сути, существует только одна идеология — либерализм, и

именно она является отличительной чертой современной геокультуры. Таким образом, либерализм, рассматриваемый в социокультурном контексте, «стал основным символом веры, исповедуемой геокультурой мир-системы» [4, р. 35], единственной ее (мир-системы) господствующей идеологией.

«Антисистемные движения» — термин, также введенный И. Валлерстайном, — являются еще одной отличительной характеристикой современной геокультуры. Они представляют собой реакцию общественности на социокультурные трансформации. Введение этого термина имеет свою предысторию. В 1845 году Бенджамин Дизраэли, первый граф Биконсфилд, будущий премьер-министр Великобритании от «просвещенных консерваторов», опубликовал роман, озаглавленный «Sybil, or The Two nations» («Сибилла, или Две нации»). Во введении Дизраэли заостряет внимание на том, что тема произведения — положение народа — раскрывается на примере чартистского движения. Роман о «двух нациях Англии — богатых и бедных» стал в некотором роде пророческим. Вскоре в геокультуре усилились движения, стремящиеся побороть описанную Дизраэли дихотомию. Впоследствии они получили название «антисистемные». После событий 1848 года антисистемные движения имели преимущественно два направления: социалистическое и националистическое. «Как для социалистического, так и для националистического движений казалось ясным, что наиболее доступный локус реальной политической власти находится в государстве, в правительственных структурах различных независимых государств. <...> Если это так, то логически следует, что наиболее вероятным путем трансформации системы должно было стать обретение тем или другим способом контроля над государственной властью» [2, с. 141]. Политическая стратегия, постулирующая первостепенность обретения государственной власти, была принята и осуществлялась практически всеми основными группами антисистемных движений. В споре между реформой и революцией, между Вторым и Третьим Интернационалом, между конституционной деколонизацией и затяжной партизанской войной участники антисистемных движений придерживались наиболее радикального взгляда на развитие событий.

XX столетие изобилует примерами выступления антисистемных движений. На модели западных промышленно развитых стран легко проиллюстрировать перемены, благоприятствующие трудящимся слоям населения. Так, «социал-демократические партии получили, в большей или меньшей степени, “право” управлять 50 % времени. Это “право” означало, что они могли вводить основные законодательные перемены, известные под общим названием “государства всеобщего благосостояния”» [5, с. 5—14]. В группе стран, расположенных между Восточной Европой и Восточной Азией, антисистемные движения создали так называемые «социалистические государства», в основе которых лежали национализация, индустриализация и расширенное социальное обеспечение. В странах Южной

и Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и странах Карибского бассейна (иногда называемых «Тремя континентами» или «Югом») националистические и национально-освободительные движения пришли к власти, добившись некоторой «национализации» базовых ресурсов, некоторого «развития» инфраструктуры и некоторого коллективного политического кредита на мировой сцене [2, с. 145—147]. Обратной стороной процесса борьбы за свои права стали следующие факторы: во-первых, невозможность пришедших к власти представлять интересы всех слоев и групп населения, вследствие чего появились так называемые «исключенные» — те, кого «в социальном плане относят больше к “маргинальной” части, чем к ядру политической поддержки антисистемных движений: этнические/национальные меньшинства, мигранты, женщины, “крестьяне”» [2, с. 149]; во-вторых, утрата с течением времени антисистемными общественными движениями своей «революционной» роли, благодаря которой изначально они пришли к власти, что во многом обесмысливает их агитационную программу; в-третьих, неспособность пришедших к власти представителей движений удовлетворить интересы тех, кого они представляют, хоть они и управляют от имени рабочего класса.

К антисистемным Валлерстайн относит движения суфражизма и феминизма, движения против войны, «зеленых» и экологические движения, движения сексуальных меньшинств, за религиозное возрождение или обновление, внепартийные движения и др. Принимая во внимание положительные и отрицательные стороны деятельности различных антисистемных движений, Валлерстайн делает вывод о том, что они являются неотъемлемым атрибутом современной геокультуры. Многообразие антисистемных движений коррелирует с четвертым пунктом концепции Вудро Вильсона¹, предусматривающим борьбу за права и свободы, а также с программами экономического развития/девелопментализма слаборазвитых стран президентов Рузвельта, Трумэна, Кеннеди и др. Все это свидетельствует об антиномичности существующей геокультуры, если исходить из того, что всякое исключение подтверждает правило.

Зародившаяся в XVI веке современная мир-система изначально не располагала легитимизирующей ее геокulturой. Основные учения, предложенные теоретиками Просвещения (Ж.А. Кондорсе, Ж.-Ж. Руссо, И.А. Гердером и др.) в XVIII веке, стали важной частью геокультуры только после Французской революции. События 1789 года, завершившие длительный процесс нагнетания напряжения в обществе, свидетельствовали о необходимости социокультурных трансформаций. Французская революция, следовательно, не будучи изолированным событием, распространила свое влияние на все сферы общественной

жизни, кардинально повлияв на гуманитарное знание. Чтобы мир-система могла процветать и расширяться, как того требовала ее внутренняя логика, ей была необходима основательная методологическая база. Такой базой стали общественные науки.

С начала XIX века постепенно происходило разделение наук на гуманитарные и естественные (по В. Дильтею «науки о духе» и «науки о природе»). Это хорошо иллюстрирует структура университетов, в которых сначала появились отдельные факультеты, затем — новые департаменты, а внутри факультетов происходило деление на кафедры, отделения, специализации и т. д. В результате возникла жесткая институциональная специализация. По сути, произошел эпистемологический раскол на «две культуры», исследовательским методом одной из которых стала эмпирия и верификация, а другой — герменевтический путь познания. В процессе развития мир-система «затребовала» возникновение новых дисциплин — так называемых общественных, или социальных, наук, — чтобы прийти к осмыслению того, что и как меняется в этом мире. Так возникла история, в понимании знаменитого историка Леопольд фон Ранке, а именно, — фактологическое изложение событий прошлого («как это было на самом деле»). По мнению И. Валлерстайна, историю в XIX веке нельзя назвать всеохватывающей дисциплиной, принимая во внимание, как узка была сфера ее исследования. Именно вследствие этого Валлерстайн обращается к инновационному взгляду на историю (Ф. Бродель).

В конце XIX века ситуация некоторым образом меняется. Образуются три новые дисциплины — экономика, политология и социология, — занимающиеся в отличие от исторической науки проблемами настоящего. На рубеже XIX и XX веков вследствие процессов колонизации обозначилась необходимость в изучении первобытных культур. Как следствие, появляются антропология как совокупность методов и подходов к изучению традиционных обществ и востоковедение (ориенталистика). Валлерстайн обращает внимание, что несмотря на многообразие наук об обществе, способствовавших лучшему пониманию современной мир-системы, в такой структурализации имели место значительные пробелы. Каждая из упомянутых дисциплин, выработав строгую методологию и придерживаясь ее, изучала собственный предмет вне контекста других общественных наук, что исключало целостное видение объекта исследования. В XIX веке общественные науки стали основой существования и процветания геокультуры, выработав для этого специальный категориальный аппарат. В первой половине XX века целые разделы обществоведения выделились в самостоятельные дисциплины (политология, экономика, социология и т. д.). В результате каждая из них противопоставила себя смежным дисциплинам. Сегодня специализация внутри каждой из общественных дисциплин достигла таких масштабов, что теряется системность понимания мира. Это явление Валлерстайн

¹ Устранение, насколько это возможно, всех экономических барьеров и установление равенства условий для торговли всех наций, стоящих за мир и объединяющих свои усилия к поддержанию такового.

характеризует как кризис в науках. Возможным выходом из такого положения, по мнению Валлерстайна, является создание целостного дисциплинарного подхода к изучению культуры. «Принципиальными характеристиками такого научного знания станут широта кругозора, разнообразие методик, построение взаимосвязей с остальным миром науки» [6, р. 460].

Итак, к 1945 году в структуре знания сложилась следующая ситуация: наметились, по Валлерстайну, три главные «оси» в исследованиях: «первая ось разграничивает изучение Западного мира и всего прочего мира. В отношении Западного мира действует вторая ось, разделяющая изучение прошлого и настоящего. Последняя ось, в свою очередь, подразделяется на конкретные области анализа экономики, государств и гражданского общества» [7, с. 241]. Примечательно, что данное разделение имеет смысл исключительно с позиций гегемонии Западного мира и потребностей в том знании, в котором он (Западный мир) нуждался на тот момент. Вследствие резкого экономического роста после Второй мировой войны увеличивается количество университетов. Другой представитель системного подхода Филипп Г. Кумбс в своей работе «Кризис образований: системный анализ» писал: «В начале пятидесятих годов нашего столетия образование во всем мире начало развиваться такими темпами, каких еще не знала история человечества. Во многих странах численность учащихся выросла более чем вдвое, расходы на просвещение увеличились в еще большей пропорции, и повсюду образование встало в один ряд с крупнейшими отраслями экономики» [8, с. 9]. Выросла численность профессоров и аспирантов, в результате чего возникли новые дисциплинарные ниши исследования и как итог — размывание границ между дисциплинами. Размываются линии, разделяющие сферы изучения прошлого/настоящего, цивилизационного/иного, а также государства/рынка/гражданского общества. Как следствие — «поддается само обоснование разграничения различных дисциплин, бытовавшее в XIX веке» [7, с. 245].

Таким образом, в конце XX века обострился «конфликт между исчезающими четкими основаниями выделения отдельных дисциплин и их постоянно увеличивающейся организационной властью для защиты внутренней инфраструктуры» [7, с. 246]. Наметились две основные тенденции: во-первых, появилась новая наука, в основе которой лежит принцип нелинейности, а во-вторых, — постмодернизм как новая дискурсивная практика в исследовании культуры (о постмодернизме Валлерстайн упоминает вскользь, акцентируя внимание на теории неравновесных систем). Структурный кризис, коснувшийся абсолютно всех сфер жизни общества, остро обозначил проблему исчерпанности методов конвенциональной науки. Валлерстайн в рамках созданного им мир-системного анализа предлагает иначе взглянуть на мир — как на целостную систему. Поэтому обоснование целостного подхода к геокультуре и укрепление его методологических основ суть первостепенные задачи в концепции Валлерстайна.

В настоящее время отечественные исследователи стали все более активно использовать в работах понятие «геокультура», зачастую, в интерпретациях, отличных от интерпретации И. Валлерстайна.

Наиболее приближенной к валлерстайновской является трактовка понятия «геокультура» у российских исследователей Б.В. Межуева и С.Н. Градиловского: геокультура — это культурные основания, обеспечивающие связность и легитимность имперских пространств даже в постимперский период. В этом контексте ученые ставят вопрос о том, сможет ли современная российская элита активно участвовать в трансформации капиталистической мир-системы, сможет ли она взять «реванш» после проигранной в 90-е годы XX столетия геополитической битвы. В частности, Б. Межуев пишет: «Русский Мир — одна из сетевых структур, способных существовать в мировом геоэкономическом океане, “во чреве кита”, и вместе с другими группами потенциальных париев оказывать влияние на формирование геокультуры будущего» [9], где главным остается вопрос об адекватном ответе на вызовы современности.

Идеи Градиловского и Межуева развивают в своих работах активные участники Московского методологического кружка А.С. Казарновский и М.В. Рац. Исследователи обращают внимание на то, что определяющей особенностью глобализованного мира становится, прежде всего, его «связность». В доколониальную эру такое давление, как и сама единая мир-система, не имело места. Сейчас, наоборот, весь земной шар в той или иной мере ощущает культурное давление западной гегемонии. Одним из ярких примеров и одновременно следствий такого «естественного давления», согласно Казарновскому и Рацу, оказывается межстрановая миграция и в целом увеличившаяся мобильность населения Земли [10]. Следует отметить, что с возрастанием глобализационных процессов стал изменяться характер антисистемных движений: от националистических и социалистических акцент все больше смещается в сторону субкультур. В частности, одним из примеров антисистемных движений новой формации, напрямую связанных с мобильностью, можно назвать феномен дауншифтинга².

Другой российский исследователь, В.Л. Цымбурский, предлагает рассматривать геокультуру как способ политического моделирования, в основе которого лежит мобилизация различных культурных признаков, позволяющих субъекту отличать «свое» от «чужого». Исследователь полагает, что при геокультурном конституировании пространства геополитика должна выстраиваться

² Дауншифтинг (англ. downshifting, замедление или ослабление какого-либо процесса) — термин, обозначающий жизненную философию «жизни ради себя», «отказа от чужих целей». Родственно понятию simple living (англ. простая жизнь), а также опрошению в религиозной философии Л.Н. Толстого. Причисляющие себя к дауншифтерам склонны отказываться от стремления к пропагандируемым общепринятым благам, наподобие постоянного увеличения материального капитала, карьерного роста и т. д., ориентируясь на жизнь ради себя и/или семьи.

согласно культурным критериям и ценностям, то есть на различении «своих» и «чужих» культур. Геокультурной субъектностью обладают, на взгляд В.Л. Цымбурского, те из государств, которые способны самостоятельно выбирать себе «своих» и отличать их от «чужих», а также реализовывать политические проекты, основанные на такого рода различениях. В конечном счете, каждая цивилизация имеет собственную геокультуру и собственную технологию геокультурного моделирования. Отметим, что схожую идею «свой/чужой» еще в 90-е годы XX столетия выдвигал американский ученый С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций». Хантингтон обращал внимание на то, что «когда приходит кризис идентичности, для людей в первую очередь имеет значение кровь и вера, религия и семья. Люди сплачиваются с теми, у кого те же корни, церковь, язык, ценности и институты и дистанцируются от тех, у кого они другие» [11, с. 186].

В некоторых случаях геокультура порождается конкретной цивилизацией и в то же время выходит за рамки цивилизационного ареала, вступая в диалог с полицивилизационным миром. Так, программа «девелопментализма» распространила свое влияние не только на западные цивилизации, но в большой степени на полупериферийные и периферийные страны. По мнению В.Л. Цымбурского, если рассматривать геокультуру через призму различения культурно «своих» и культурно «чужих», необходимо будет признать, что практически вся российская геополитическая история основана на манипулировании геокультурными критериями [12].

Схожей точки зрения придерживается другой современный российский культуролог и географ, Д.Н. Замятин. Продолжая традиции антропогеографической школы³, он использует геокультуру как фундирующее понятие разрабатываемой им концепции культурно-географических образов. Согласно Д.Н. Замятину, культурно-географический образ представляет собой результат обживания и осваивания окружающего мира и занимаемых территорий определенной социокультурной общностью не только в плане физической адаптации, но и в экзистенциальном, феноменологическом плане. В рамках выработанного феноменолого-культурологического подхода культуролог приходит к выводу, что геокультура представляет собой серию таких культурно-географических образов, моделирующих локальные геокультурные пространства. Наконец, он интерпретирует геокультуру как форму развития культурно-географических образов в конкретной культуре, аккумулирующую традиции в

культуре для осмысления этих образов. Однако, в отличие от И. Валлерстайна, который выделяет единственную геокультуру, российский культуролог говорит о множественности геокультур. Различие детерминировано уникальностью формирования геокультурного потенциала, который «измеряется силой проецируемых вовне специализированных географических образов» [13, с. 71], существующих и взаимодействующих в многообразии геокультурных пространств. Стоит отметить, что Д.Н. Замятин различает географический и геокультурный образы. Так, последний — это «система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте» [13, с. 71]. В качестве примера Д.Н. Замятин приводит геокультурный образ Российской Федерации, в формировании которого важную роль сыграли географические образы Западной и Восточной Европы, Дальнего Севера, Кавказа, Черноморского региона и т. д. Таким образом, геокультурный образ напрямую связан с геополитическими стратегиями, которые выбирают те или иные общности/государства/цивилизации в борьбе за гегемонию в мир-системе.

Культуролог Е. Островский противопоставляет геокультурный подход геополитическому. Постулируя множественность «языковых миров», или, по терминологии И. Валлерстайна, мини-систем, главное различие Островский видит в культуре и языке. Территориальный признак дифференциации, свойственный геополитическому подходу, оказывается для ученого вторичным. Новые границы «миров» проходят, таким образом, не по государственным границам, а по культурно-языковым ареалам. В зависимости от культурной самоидентификации и языковой принадлежности каждый отдельно взятый индивидум принадлежит к тому или иному «миру». Притом новые границы призваны не разъединять, а служить линиями сопряжения и обогащения культур.

Такой взгляд на современное мироустройство в рамках разрабатываемой Е. Островским концепции получил название «геокультурный взгляд», утверждающий, что «народ и нация — это прежде всего язык и культура. Что именно язык и культура объединяют и разделяют людей, что русский — это тот, кто говорит на русском языке, точно так же как американец — это тот, кто говорит на американском языке» [14]. Притом корень «гео» в интерпретации Островского имеет больше коннотаций с древнегреческим словом геометрия в том «абстрактном, мыслительном значении, где она оперирует совершенно отвлеченными пространствами, преобразованиями этого пространства» [14].

Островский также поясняет, что в новом геокультурном пространстве конституируется и новый тип человека — «пограничник», — способный к объединению нескольких миров посредством моделирования картины мира, где «граница может превращаться из линии разделения в линию объединения» [14]. В качестве при-

³ Антропогеографическая школа — школа, основанная немецким географом Фридрихом Ратцелем. Ставила своей целью исследование отношений между человеком и окружающей средой, считая географический фактор важнейшим пунктом научных исследований и интерпретаций. История была сведена, по сути, к передвижениям народов, в которых антропогеографическая школа усматривала «существенное свойство народной жизни» и «основополагающий фактор истории человечества» (Ф. Ратцель.)

мера можно привести людей-билинггов, воспитанных в семьях, где разговаривают на разных языках. Билингвы, таким образом, не только свободно владеют несколькими языками, но и наследуют культуру, являясь носителями своеобразного микса культурных ценностей. Такое видение позволяет нам говорить об изменяющемся взгляде на организацию политического мира, выстроенного не в геополитических, а в геокультурных пределах.

Помимо вышеупомянутых авторов понятие геокультура активно используют и другие отечественные исследователи, в том числе, В.В. Анненков, М.В. Боргулев, О.И. Генисаретский, В.М. Дианова, М.А. Молчанов, Б.Ю. Кагарлицкий, П.О. Лукша, В.П. Максаковский, Г.Н. Нурышев, П.Г. Щедровицкий и др. Отметим также тенденцию появления теоретических новообразований, составной частью которых является понятие «геокультура»: геокультурный образ, геокультурное пространство, геокультурная альтернатива, геокультурные связи, геокультура развития и др.

В заключение подчеркнем, что дальнейшее развитие глобализационных процессов в эпоху «конца истории» и «конца географии»⁴, затрагивающих все без исключения уровни социокультурной жизни, актуализирует проблему выработки новой формы бытияствования: на смену системным формам связи между отдельными процессами и явлениями формирующейся глобальной мультикультурной мир-системы приходят более сложные, мир-системные формы кросскультурного взаимодействия.

В меняющемся мире актуализируется также проблема новых форм взаимодействия, в основе своей имеющих более эгалитарную природу, а именно, стремление к объединению всех сфер человеческой деятельности, преодоление существующих противоречий, таких как глобальное неравенство и неравномерность развития, более тесное взаимодействие глобального и локального, пересмотр роли национального государства в исторических рамках глобализации, а также альтернативный взгляд на пространственное разделение труда. В поисках таких форм и связей, на наш взгляд, важность и актуальность концептуализирования геокультуры и геокультурных феноменов, в том числе в отечественной гуманитаристике, сложно переоценить.

Список литературы

1. *Валлерстайн И.* После либерализма / пер. с англ.; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. — М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П.М. Кудюкина под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. — СПб.: Университетская книга, 2001.
3. *Wallerstein I.* The French Revolution as a World-Historical Event // *Unthinking Social Science. The limits of nineteenth-century paradigms.* — Cambridge: Polity Press, 1991.
4. *Wallerstein I.* Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-system // *Theory, Culture & Society* (SAGE, London, Newbury Park and New Delhi), Vol. 7, 1990.
5. *Мамум Л.С.* Социальное государство с точки зрения права // *Государство и право: Ежемесячный журнал.* — 2001. — № 7.
6. *Wallerstein I.* Anthropology, Sociology, and Other Dubious Disciplines *Current Anthropology* Vol. 44, No 4, August—October 2003.
7. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. — М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006.
8. *Кумбс Ф.Г.* Кризис образования в современном мире: системный анализ / пер. с англ. С.Л. Володиной, В.А. Кузнецовой, С.П. Романовой; под ред. Г.Е. Скорова. — М.: Прогресс, 1970.
9. *Межуев Б.В.* Во чреве кита [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/transform/whale/>
10. *Казарновский А.С., Рац М.В.* Геополитика, геоэкономика, геокультура [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/geocultruss/geo/
11. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. — М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2007.
12. *Цымбурский В.Л.* Это твой геокультурный выбор, Россия? // *Полис / Виртуальное эссе.* Ноябрь. 2001 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/universum/esse/7zmb.htm>
13. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. — СПб.: Алетейя, 2003.
14. *Островский Е.* Новые границы мира: геокультура // *Стенограмма лекции* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/472>

⁴ Впервые о «конце географии» заговорил французский философ Поль Вирильо, имея в виду, что в современную эпоху становится все сложнее отстаивать идею географической границы.